

Сюй Минюэ нахмурилась и задумалась: неужели этот негодяй действительно смог возродить империю?

Что-то здесь не так, показатели мощи государства ведь не выросли.

— Тогда эта наложница поздравляет императора.

Чу Хуайчжи взял её за руку:

— Теперь-то армия семьи Хуа точно будет разбита в пух и прах, от их прежнего сопротивления не останется и следа, и великие горы и реки династии Бянь пребудут в вечном мире и покое!

— Как замечательно.

Она только успела произнести дежурные поздравления, как Чу Хуайчжи, словно с цепи сорвался, выдал:

— Я отправлюсь в личный поход, чтобы искоренить этих оставшихся щенков семьи Хуа...

— Как замеча... что?

Сюй Минюэ решила, что ослышалась. Она посмотрела на восторженное лицо Чу Хуайчжи, на его чистые и до глупости наивные глаза, мысленно перепроверяя, не спит ли она.

Она бросила взгляд на параметр боевых искусств Чу Хуайчжи: 30.

Дружище, ты серьезно собрался лично вести войска в бой с такими характеристиками?

Чу Хуайчжи решил, что его блестящий ум потряс её до глубины души, и не преминул спросить:

— Ты ведь тоже считаешь мое решение мудрым и героическим?

Она считала, что, когда он родился, акушерки забыли захватить его мозг из материнской утробы!

Мудрым и героическим он себя возомнил. Его кумиром, часом, не был император Ин-цзун по фамилии Чжу, который так жаждал учиться за границей?

— Ваше Величество, в таких делах нельзя полагаться на шутки, лучше бы вам обсудить это с министрами, — вежливо произнесла она.

Он хмыкнул:

— Не ожидал, что ты так обо мне беспокоишься.

[Очки благосклонности +5]

Сюй Минюэ: «.....?»

Ты что, серьёзно, братец?

Чу Хуайчжи лениво протянул:

— Не переживай, со мной всё будет в порядке. Эта банда министров ни за что не посмеет пойти против моей воли. Без Хуа Цинъюй армия семьи Хуа — сущая грязь под ногами, я обязан пойти в этот поход!

Чем дальше он говорил, тем сильнее распалялся, начиная даже грезить наяву:

— Вот увидишь, в будущих исторических трактатах непременно запишут мои великие подвиги!

Великие подвиги? Доброе слово в его адрес — это уже благословение, накопленное им за несколько жизней, а он еще смеет строить такие безумные планы!

— ...Может, стоит подождать еще несколько дней и посмотреть, как будут развиваться события? Война идет уже столько времени, спешить некуда.

В это же время в Фучжоу, за тысячу ли от столицы, юноша в черных одеждах с холодным безразличием смотрел на стоявших перед ним военачальников.

Его взгляд был отрешенным — казалось, он смотрит не на них, а сквозь них на что-то совсем иное. Белоснежное лицо напоминало хрупкую фарфоровую куклу, готовую разбиться от малейшего прикосновения, а с красной шелковой ленты в волосах свисали два крошечных золотых бубенца. Он сидел неподвижно, словно божество в заброшенном алтаре, оплетенное цепями — желанное, но абсолютно недостижимое.

Стоявший рядом мужчина произнес:

— Отныне он — ваш новый господин.

Люди грянули троекратное «ура», однако юноша оставался безучастным, словно из его тела вынули душу.

Желая во что бы то ни стало лично возглавить поход, Чу Хуайчжи неожиданно для всех решил явиться на утренний совет. Но едва он озвучил свой замысел, как столкнулся с единодушным отпором со стороны сановников.

Любой дурак, поразмыслив хоть немного, поймет: от его поездки не будет никакой пользы, один лишь вред.

На войне мечи и стрелы не разбирают лиц, и без того обстановка на фронте накалена до предела, а тут еще придется отвлекаться на его защиту — не наживать ли себе беду?

Конечно, императорский поход не обязательно предполагает выдающиеся боевые навыки — в конце концов, одно присутствие сына неба способно воодушевить войска. В прошлый раз, в уезде Гэчэн, военная мощь была сильна, так что ему позволили потешиться. Но сейчас государство переживает тяжелый кризис, и столице как никогда нужен правитель у руля.

Однако министры могли думать всё что угодно — Чу Хуайчжи заявил:

— Вы что, полагаете, я с вами советуюсь? Я приказываю вам немедленно собрать армию и обеспечить мне эскорт! Да понаряднее, чтобы этих мятежных разбойников от страха и вовсе хватил кондратий.

Все придворные разом ру на колени, а некоторые даже залились слезами, заявляя, что не пожалеют своих старых жизней, лишь бы император не играл со собственной безопасностью.

Ситуация зашла в тупик. Подобные стенания быстро утомили Чу Хуайчжи: всё ведь так просто, а они носятся с ним, словно с каким-то инвалидом.

Как раз в тот момент, когда он уже собирался отдать приказ, в тронный зал стремглав влетел евнух:

— Доклад Вашему Величеству! Срочное донесение с конной почты на восемьсот ли!

Сын Хуа Цинъюй по имени Хуа Мянь унаследовал пост отца и во главе свежих войск продолжил наступление на нашу армию.

Присутствующие содрогнулись от изумления. Чу Хуайчжи нахмурился:

— С каких это пор у него объявился сын? Сколько ему лет?

— Докладываю Вашему Величеству, четырнадцать.

Чу Хуайчжи не удержался от смешка:

— Тьфу ты, молокосос со ртом в молоке матери! Сами небеса помогают мне. Обязательно отправлюсь в поход лично, чтобы свернуть голову этому мальчишке и закусить ею вино!

Первый министр поспешно запротестовал:

— Ваше Величество, ни в коем случае нельзя недооценивать врага! Пусть Хуа Цинъюй мертв, но его войска по-прежнему сильны. Вам категорически не следует отправляться на фронт.

— Что вы заладили одно и то же, какая же тягомотина! Подумаешь, сопляк, чего тут бояться? Неужели в династии Бянь совсем не осталось мужчин?

Чу Хуайчжи уже готов был вспылить и приказать перерезать их всех, но вовремя вспомнил данное Сюй Минюэ обещание и сдержался. Багровея от гнева, он рявкнул:

— Раз они загнаны в угол, значит, это вы — трусливые крысы, дрожите от каждого шороха! А ну пошли вон из зала, вон!

Разогнав всех министров, Чу Хуайчжи всё еще не мог остыть. Он мрачно и свирепо уставился в окно: всё-таки как приятно выпускать пар, лишая кого-то жизни.

Он глубоко вздохнул: ладно уж, ладно, узнай об этом Сюй Минюэ — опять испугается.

Вернувшись во дворец Лохуа, Чу Хуайчжи выглядел мрачнее тучи — было очевидно, что он в ярости, хотя радовался он и без того редко.

С таким пасмурным лицом он подошел к Сюй Минюэ, подсознательно надеясь, что она его утешит. Но Сюй Минюэ лишь недоуменно нахмурилась, совершенно не понимая причину его состояния.

Он с досадой отпил чаю, и только после этого Сюй Минюэ дежурно поинтересовалась:

— Кажется, Ваше Величество не в духе? Неужели из-за положения на передовой?

— Эти министры вечно дрожат за свои шкуры. Стоило мне обмолвиться о личном походе, как они намертво вцепились мне в руки! Хуа Цинъюй подох, теперь все они подчиняются какому-то пацану. И что такого страшного случится, если я сам появлюсь на фронте?

— Даже если Хуа Цинъюй погиб, у него наверняка остались советники, которые направляют мальчика. Сановники переживают за вашу безопасность.

Он прищурился:

— Значит, ты тоже поддерживаешь мое решение выступить на войну?

— Эм... — она замешкалась на долю секунды, но Чу Хуайчжи пристально вглядывался в неё, уловив в её тоне нечто необычное.

Она будто бы снова отстранилась, вернувшись к прежней холодной отстраненности, и такая манера поведения ему жутко не нравилась.

— Ваше Величество, эта наложница считает, что ваша безопасность превыше всего. До тех пор, пока ситуация не станет безвыходной, столицу лучше не покидать.

— А я-то думал, ты и вправду переживаешь за меня... Оказывается, ты ничем от них не отличаешься!

— Ваше Величество, если воины на передовой способны сами сокрушить армию семьи Хуа, к чему вам утружда...

Она хотела сказать «утруждать народ и тратить казну», но вовремя прикусила язык и перефразировала:

— ...кликать беду на ровном месте. К тому же, если они не справятся, разве ваше появление там не станет еще более опасным?

Он недовольно бросил:

— Разве прежние государи не ходили в походы во главе армий? Почему же я не могу? Не забывай, твоего отца я тоже победил, лично возглавив армию.

Он посмел еще и упомянуть Сюй Чжу!

Сюй Минюэ холодно произнесла:

— Тогда в столице стояла надежная оборона, а сейчас половина элитных войск отправлена на границы, а вторая половина охраняет столицу. Если Ваше Величество упрямо отправится на фронт, придется выделять часть солдат на ваше сопровождение, и тогда в столице совсем не останется охраны.

— Ах вот оно что, ты просто боишься опасности! Что ж, тогда я возьму тебя с собой на поле боя.

<http://bllate.org/book/18796/1826764>